

ФИЛОСОФИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФИЛОСОФИЯ СОВРЕМЕННОСТИ

*А.И. РАКИТОВ,
А.Э. АНИСИМОВА*

Современная философия должна быть философией современности. Этот достаточно афористический тезис нуждается в разъяснении. Прежде всего, зададим вопрос, что скрывается за понятием современность, каковы основные черты, характеристики, признаки, тенденции, характерные особенности того, что мы называем современностью? Если заглянуть в большинство философских работ, так или иначе обсуждающих проблемы современности, то все ответы на заданные вопросы можно свести к следующему. Современность — это, прежде всего, процесс глобализации, как бы его ни интерпретировали, какие бы наиболее важные его характеристики не выдвигались на передний план. Во-вторых, современность характеризуется достаточно быстрым переходом, если пользоваться терминологией Э. Тоффлера, от индустриальной цивилизации к информационному обществу, или к постиндустриальной цивилизации — в терминологии Д. Белла, или к новому индустриализму, если принять терминологию Дж. К. Гэлбрейта, или, наконец, переходом к обществу образования.

В действительности ни одно из этих понятий не исчерпывает современность во всей ее полноте, во всем разнообразии совершающихся в ней процессов, во всем многоцветии переплетающихся, сталкивающихся и конфликтующих культур, культур больших и маленьких, культур развивающихся и угасающих. В этой ситуации полезно вспомнить довольно красноречивое рассуждение Маркса о том, что философия есть квинтэссенция культуры и что она представляет собой особое выражение современности. Стоит, пожалуй, заметить, что над вопросом, что такое современная философия, задумывались многие мыслители. Для примера сошлемся на кембриджский курс «Введение в современную философию»¹.

Курс этот претендует на изложение современной философии, но в действительности представляет изложение, достаточно упрощенное, адаптированное к студенческому уровню, воззрений философов начиная с Гегеля, Ницше вплоть до учений Гуссерля и Хайдеггера. Но отражают ли взгляды этих мыслителей специфические процессы современности, если под этим понятием иметь в виду ситуацию, в которой находится человечество в первые десятилетия XXI в.? Мы рискуем дать отрицательный ответ на этот вопрос.

Возьмем хотя бы хорошо теперь известную и достаточно полно изученную компьютерную революцию², начавшуюся в середине прошлого столетия и перешедшую в его конце и в начале нынешнего века в стремительный, но тем не менее эволюционный процесс, результатом которого и должно стать информационное общество. Смысл

этого понятия неоднозначен и не общепринят. Полезно заметить, что любое человеческое общество является информационным, так как без циркуляции, функционирования, развития, пополнения и обновления знаний и информации ни одно человеческое общество не существовало и не существует. Процессы выработки, пополнения и адаптации человеческого знания и информации к естественной природной и социальной искусственной среде в разные эпохи происходили с разной скоростью. Передача и накопление информации осуществлялись с помощью разных инструментов и средств. Но при всех этих, иногда качественных, различиях все человеческие общества были информационными.

Современное информационное общество характеризуется следующими четырьмя особенностями.

- Созданы, используются и быстро развиваются новые микропроцессорные средства хранения, передачи, трансформации и выработки информации и знаний. При этом колоссально возрастает скорость передачи информации и знаний, объемы памяти, содержащей эту информацию и знания, и наконец, возможности доступа к информации и знаниям, возможности их использования в интересах индивида, различных социальных групп и больших человеческих общностей.

- Микропроцессорные информационные компьютерные технологии радикально меняют соотношение физического и умственного труда во всех развитых и быстроразвивающихся обществах, вступивших на путь информатизации. Они открывают возможность роботизации и автоматизации огромного количества процессов, производственных, управленческих, исследовательских, образовательных и бытовых, которые раньше, целиком или по преимуществу, были объектами физического труда.

- Они радикально меняют технологические уклады, которые, в свою очередь, оказывают детерминирующее влияние на фундаментальные изменения социальных отношений, структуру общественных институтов, формы экономического, политического, социального менеджмента, системы конкуренции и солидаризации различных учреждений, организаций, общественных, производственных, культурных институтов.

- Они подводят нас к черте, за которой, по мнению некоторых, весьма продвинутых авторов, наступит момент трансформации или, точнее, дальнейшего радикального совершенствования homo sapiens и превращение его в человека технического³.

Здесь мы подходим вплотную к основной проблеме нашей статьи. Дело в том, что никакого принципиального различия между тремя терминами (информационное, постиндустриальное общество и общество образования), в действительности, не существует. Для того чтобы могло возникнуть информационное или постиндустриальное общество, оно, прежде всего, должно стать обществом образования. Образование, и притом первоклассное, преимущественно высшее профессиональное, дающее человеку широкий набор компетенций и способность адаптироваться к быстрым социокультурным изме-

нениям, — не только необходимое условие эффективного создания новых высоких технологий, новых видов продукции и услуг, но и важнейшее условие эффективного целесообразного социогуманитарного, т.е. осуществляемого в интересах человека, использования этих продукции и услуг.

Теперь оставим на некоторое время информационное общество и займемся понятием образования и адекватной ему философией, а именно философией образования. В мире животных, особенно высших, существуют элементы воспитания и обучения. Этологи⁴ утверждают, что новорожденный лисенок, подброшенный к суке, выкармливающей щенят (в том случае, если она его не отвергнет с самого начала), со временем усваивает привычки и, так сказать, правила поведения собачьей стаи. Здесь несомненно, что на основе генетической врожденной способности усваивать поведенческие акты происходят процессы обучения правилам «собачьего» поведения.

М.Л. Бутовская рассказывает, что одна из японских дикоживущих макак однажды случайно вымыла в ручье корешок сладкого картофеля, съела его, и это ей весьма понравилось⁵. Затем она научила мыть сладкие корешки своих детенышей. Вскоре к ним присоединились другие самки и детеныши обезьяньей стаи. И наконец, привычку мыть съедобные корешки усвоили наиболее консервативные представители стаи — самцы. Здесь налицо, если угодно, акт инновации и несомненное присутствие всех признаков обучения и воспитания. Примеров подобного рода в трудах современных этологов и зоопсихологов огромное множество. Но ни при каких условиях и оговорках мы не можем сказать, что здесь есть хотя бы отдельные признаки процесса образования.

Образование в истории человечества — явление довольно позднее. Оно возникает гораздо позже, чем формируется ранняя культура в первобытном обществе, и, по-видимому, возникает и складывается как особый социально значимый процесс в период формирования ранних цивилизаций. Существует много ответов на вопрос, что такое образование. Мы предлагаем свое понимание образования, которое читатель вправе принять или отвергнуть, но которое принципиально важно для дальнейшего понимания содержания этой статьи.

- Образование представляет собой процесс передачи от учителя к ученику кодифицированных в устной или письменной форме, последовательно изложенных и необходимых для осуществления какой-либо социально значимой деятельности знаний, сведений и информации.

- Кодифицированные знания, изложенные в устной, а затем и в письменной форме на бумажных или электронных носителях, могут передаваться как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях. Термин «горизонтальное направление» означает, что знание передается сейчас здесь или в другом месте от человека к человеку, от одной социальной, профессиональной, конфессиональной, культурной или иной группы к другим анало-

гичным группам и может быть использовано для осуществления различных видов деятельности и достижения адекватных целей.

Термин «вертикальное направление» означает, что кодифицированные знания могут передаваться от поколения к поколению, из одного исторического временного интервала в другой, подвергаясь дополнениям, отбрасыванию, критике, модификации и т.д. в зависимости от изменения интеллектуальных, в том числе философских, установок, под влиянием новых знаний и обстоятельств, а также новых фактов, благодаря воздействию неожиданных, нестандартных ситуаций.

- Возникновение, развитие, распространение образования предполагает создание специальных институциональных форм, т.е. соответствующих учреждений, организаций, предприятий, инструментов, носителей знаний, представляющих собой особую социокультурную ценность, вес, значение и стоимость которой (в буквальном смысле слова) от эпохи к эпохе возрастает и становится в Новейшее время (начиная с XIX, особенно в XX — XXI вв.) важнейшим объектом и фактором государственной политики и общественно-экономического развития.

- Образование в процессе перехода к информационному обществу становится не только условием информатизации каждой страны, но и предпосылкой адекватного восприятия и эффективного использования современных информационно-коммуникационных технологий и высоких технологий в целом. При этом понятие информационного общества почти полностью идентифицируется с понятием «общество образования».

- Современное, особенно высшее, а также среднее специальное образование, будучи массовым и определяя в значительной степени уровень развития любого общества, становится одним из важнейших факторов, влияющих на финансы граждан, отдельных общественных институтов и общество в целом.

Именно на этом пункте мы теперь намерены остановиться специально, так как он позволит нам перейти от общих рассуждений к анализу некоторых редко обсуждаемых проблем, связанных с развитием современных образовательных процессов.

Философы в разные эпохи концентрировали свое внимание на разных проблемах. Одни изучали проблемы бытия (Парменид, Сартр, Хайдеггер), другие концентрировали внимание на природе и сущности идей (Платон), третьи исследовали специфику познания, нравственных императивов, сущность совершенства (Кант), четвертые разрабатывали теорию развития во всей полноте и абстрактности (Гегель), пятые изучали специфику научного знания (Бэкон, Карнап, Поппер, Гуссерль) и т.д. Но мало кто, а может быть и никто, из крупных философов не концентрировал свое внимание на таком мирском, нефилософском объекте, как деньги, вызывавшем у них не столько интерес, сколько желание иметь их в объеме, достаточном для поддержания жизни. А между тем в современном глобализирующемся мире произошел один редко обсуждаемый, но фактически имеющий место перелом.

Известно, что на протяжении тысячелетий существовало множество религий, до определенного периода политеистических. Примерно (мы рискуем быть несколько неточными) четыре тысячи лет назад возникла первая монотеистическая религия. Но в XXI в., несмотря на множество различных религий, возник глобальный монотеизм. И единственным богом, которому в наши дни, сознательно или бессознательно, поклоняется большинство населения планеты, стали деньги. Об этом пункте, возможно, многие наши философы скажут, что он вульгарен. Но вульгарность в русском эквиваленте английского слова «vulgar» означает общепринятость, народность, общезначимость. И в данном случае брошенный нам упрек в вульгарности вовсе не означает ошибочности. Мы просто озвучиваем некоторую реальность, некоторый де факто имеющий силу ход событий. Деньги уже тысячелетия играют важную роль в жизни человечества. Но в наши дни они играют роль совершенно исключительную. И ее исследование заслуживает того, чтобы стать проблемой философии современности.

Вместо простых форм непосредственного обмена деятельностью, товарами, услугами человечество перешло к таким видам экономической, социальной и не в последнюю очередь культурной деятельности, включая деятельность образовательную и научную, которые в большей или меньшей степени, а иногда исключительно связаны с процессами зарабатывания, использования, расходования денег, их накоплением, капитализацией, превращением в продукты и услуги, использованием в личной жизни, семье, обществе, профессиональной деятельности и даже в деятельности религиозно-ритуальной.

Образование в этом смысле не представляет исключения. Напротив, хорошее образование можно получить только за хорошие деньги. Бесплатное образование — миф. Вопрос лишь в том, кто платит за образование, тот, кто его непосредственно получает, или государство, предприниматель, общественная организация, например, церковь, желающая иметь образованного прелата.

Здесь мы возвращаемся к началу статьи и обращаем внимание читателя на то, что в силу изложенных выше соображений образование (во всей его полноте, во всей сложности, значимости для происходящих цивилизационно-культурных трансформаций), и притом именно современное образование как целое должно быть объектом философии образования. А это означает, что современная философия образования не может игнорировать важные параметрические характеристики, которые реально имеют место в образовательных процессах и развитых, и развивающихся стран. Мы рассмотрим далее лишь несколько связанных с этим проблем и притом в очень скромном объеме, так как цель настоящей статьи не решить эти проблемы, а обратить на них внимание философского сообщества.

К числу этих проблем мы относим следующие.

- Государственное, корпоративное и частное финансирование вузов, включая вопрос об образовательных кредитах для студентов и влияние ха-

рактера и структуры финансирования на качество образовательных услуг. Мы попытаемся обсудить эти проблемы на основе сравнительного анализа положения в нескольких, преимущественно развивающихся странах. Положение в развитых странах складывалось веками. Высшее образование в развивающихся странах только еще формируется.

- Проблемы университетских рейтингов, от которых в значительной степени зависит проблема финансирования университетов государством и другими инвесторами.

- Проблема учебной и научной нагрузки ППС, так как от этого зависят и качество образования, и его стоимость, и вклад университетов в развитие знания, и финансирование самих университетов.

Для начала нашего обсуждения сошлемся на коллективное исследование «Создание университетов мирового класса». Один из авторов этой монографии С. Маргинсон⁶ совершенно правильно указывает, что для успешного развития экономики требуются специалисты высокого профессионального уровня. А гарантировать такой уровень своим студентам могут лишь университеты мирового класса. В результате проведенного исследования было показано, что создание университетов мирового класса по силам лишь достаточно богатым странам, в которых национальный доход на душу населения не опускается ниже 15 тыс. долл. в год⁷.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с высшим образованием в странах Азиатско-Тихоокеанского региона, к числу которых относятся и высокоразвитые страны, такие как Япония, и бедные, такие как Монголия, Вьетнам, Филиппины и др. Страны эти принято делить на развитые и развивающиеся. Но мы остановимся не на этих характеристиках, а на стоимости и качестве предлагаемого в них высшего профессионального образования. Посмотрим, например, на Филиппины.

Население Филиппин составляет около 105 млн человек. При этом в стране 2025 государственных университетов (по данным на 2008 г.) и 35 частных высших учебных заведений. Естественно, что государственные вузы финансируются за счет бюджета. При размере ВВП в 317 млрд долл. в 2008 г. правительство Филиппин выделяет на высшее образование лишь 0,3% ВВП. При этом создание частных университетов, которые финансируются лучше, крайне затруднено, так как президент Филиппин Г. Макапагал-Арройо запретила в 2007 г. поднимать плату за образование в частных вузах выше роста инфляции. Таким образом, приток средств в высшее образование из негосударственных источников, в том числе за счет оплаты обучения студентов, оказался крайне ограниченным. Стоимость обучения одного студента в год в государственном вузе составляла в 2008 г. 1868 долл., а в негосударственном — 5765 долл. Следствием этого является недостаточно высокая заработная плата ППС, что препятствует приглашению первоклассных профессоров из-за рубежа, затрудняет закупку первоклассного лабораторного оборудования, увеличивает

число студентов, приходящихся на 1 преподавателя, и в итоге резко снижает качество образования.

Не лучше обстоит дело в таких бедных азиатских странах, как Вьетнам, Индия, Монголия. Индия, например, обладает самым большим числом высших учебных заведений в мире. Prestиж высшего образования здесь довольно высок. Но при этом плата за обучение чрезвычайно низкая (106 — 155 долл. в год в различных университетах и колледжах). И хотя отдельные университеты по некоторым специальностям дают неплохую подготовку (например, в сфере компьютерного программирования) в целом качество образования, предлагаемое вузами Индии, остается низким. Оплата труда ППС невысока, поэтому привлечь иностранных профессоров достаточно трудно. Как следствие этого подготовка специалистов высшей квалификации для экономики, социальной сферы, государственного и коммерческого менеджмента оказывается неудовлетворительной.

Важно отметить, что прямой связи между так называемой экономической бедностью и затратами на высшее образование в странах Азиатско-Тихоокеанского региона не наблюдается. Так, во Вьетнаме, который по сравнению с Филиппинами, является более бедной страной (число государственных вузов 275, число коммерческих вузов — 47), на высшее образование выделяется 1,1% ВВП, что в несколько раз превышает соответствующий показатель на Филиппинах. Впрочем, несмотря на это, качество высшего образования во Вьетнаме также заставляет желать лучшего.

Однако в странах Азиатско-Тихоокеанского региона есть и высоко развитые страны (Япония), и богатые быстроразвивающиеся страны (Южная Корея и Гонконг). В Японии высшее образование отлично финансируется. В стране всего 159 государственных вузов и 1184 частных коммерческих. Эти вузы предлагают высококачественное образование мирового уровня, но и плата за обучение соответственно существенно выше: 4132 долл. в год в государственных вузах, 8917 долл. в год — в частных. С точки зрения национальных интересов это вполне оправданно, так как Япония готовит первоклассных специалистов высшей квалификации. Это и позволяет ей входить в число наиболее развитых стран мира и создавать высококонкурентную продукцию в промышленности и в сфере услуг.

В двух словах скажем о Южной Корее. Ее стремительное развитие во многом объясняется высоким уровнем затрат на образование: 2,4% ВВП и высокой платой за обучение: от 5534 до 15 198 долл. в год в 2009 г.

Совершенно очевидно, что уровень университетов, качество предлагаемых ими образовательных услуг и квалификация выпускников решающим образом зависят от денежных поступлений в систему образования из государственных источников, от частных инвесторов и, наконец, от платежеспособных учащихся, которые в конечном счете в масштабе страны определяют размерами подушевого дохода населения. Таким образом, и качество образования, и квалификация

выпускников зависят от денежных средств. Теперь посмотрим на этот процесс с другой позиции.

Дело в том, что с крушением так называемого социалистического лагеря, в странах которого всем студентам вузов гарантировалось полноценное бесплатное обучение высокого качества (что подтверждается, если говорить о СССР, достижениями в области науки, атомной энергетики, военных и гражданских технологий, успехами в ракетно-космической индустрии и т.д.), оказалось, что студенты вузов в подавляющем большинстве должны оплачивать свое обучение самостоятельно. Для этого необходимо, чтобы они обладали значительными средствами, которые им предоставляет семья или они приобретают сами, подрабатывая за счет времени своей учебы, что, естественно, сказывается на качестве образования. Чтобы избежать трудностей последнего рода, в большинстве развитых и развивающихся странах созданы и расширяются системы так называемых образовательных кредитов.

Так как для развивающихся стран, в большинстве которых создание самостоятельной системы высшего образования началось лишь во второй половине XX в., вопрос подготовки специалистов высшей квалификации имеет первостепенное значение, то мы коснемся главным образом проблемы образовательных кредитов именно в этих странах. По сути своей образовательный кредит – довольно простая вещь. Для получения университетского образования студенты из неимущих или малоимущих семей, неспособные самостоятельно оплачивать образовательные услуги, должны получить сумму, необходимую для оплаты в частных или государственных кредитных организациях. Но полученные кредиты рано или поздно нужно возвращать. К тому же они, как правило, выдаются за более или менее значительные проценты, которые также нужно возвращать во время учебы в вузе или после ее завершения, при поступлении на работу.

Естественно при этом, что чем более престижным является университет, тем выше плата за обучение, тем большая сумма кредита требуется и тем сложнее его возвращать. Многие государства в развивающихся странах, учитывая эту сторону дела, берут на себя определенную часть расходов по выплате кредитов и процентов, по обеспечению рассрочек. При этом чаще всего учитываются доходы семьи студента. Так, на Тайване в случае, если доходы семьи составляют менее 65 тыс. долл. в год, то государство аннулирует выплаты процентов по образовательным кредитам на льготный период, т.е. на период обучения.

Еще поучительнее отношение к образовательным кредитам в беднейших развивающихся государствах Африки. Так, в Гане с ее неустойчивой и крайне неэффективной экономикой образовательные кредиты выдаются под огромные проценты (45% в год). Правительство Ганы, как и правительства других африканских государств, крайне

заинтересовано в создании собственных высококвалифицированных национальных кадров. Поэтому в 1993 г. оно снизило этот процент для обучающихся до 6%, а разницу погасило за свой счет.

В большинстве стран кредиты начинают возвращаться выпускниками вузов после их трудоустройства. Но так как хорошее трудоустройство не простая и не легкая вещь, то почти повсеместно введена система страхования кредита, предназначенная для того, чтобы кредитор не терпел ущерба в случае, если соответствующий выпускник не сумеет хорошо трудоустроиться и его зарплата не даст ему возможность полностью и вовремя возратить долг. Чтобы устранить это затруднение, правительство Кении, например, переложило выплату обязательств по кредитам на работодателей.

Особенно остро стоит вопрос о финансировании услуг по получению высшего образования в таких быстроразвивающихся странах, как Китай, Индия и Индонезия. Это и понятно. Динамичные экономики требуют быстрого увеличения национального корпуса высококвалифицированных специалистов. В Китае удвоение многомиллионной армии студентов произошло в течение относительно короткого периода — с 1998 по 2004 г. В Индии оно произошло в интервале 1990 — 2005 гг. В Индонезии для удвоения числа студентов государственных вузов понадобилось 6 лет (с 1990 по 1996 г.)⁸. Нетрудно понять, что все это требует гигантских денежных вливаний из государственного бюджета в виде частных и корпоративных инвестиций, в виде образовательных кредитов. Но во всех этих случаях образование напрямую связано с перемещением гигантских денежных потоков.

Философы эпохи европейского Просвещения, эпохи культурного модерна высоко ценили просвещение как фактор гуманизации, как фактор разностороннего развития личности, как фактор улучшения рода человеческого, избавления его от пороков темного прошлого. Но они не упоминали и не говорили о том, что для настоящего просвещения и образования как его высшего главного стержня требуются деньги, и притом во все возрастающем масштабе. Философия современности — современная философия — не может игнорировать реальность, и высокомерное отношение к ней несовместимо с настоящим профессиональным философствованием, с постижением сути современного бытия. Потому что бытие это состоит в переходе к новым цивилизационным структурам, в построении обществ информационных, обществ, где основные материальные и духовные ценности будут создаваться высококвалифицированными специалистами, подготовка и оплата труда которых — одна из серьезнейших проблем.

Теперь мы подходим к последней проблеме, которую мы намерены обсудить в этой статье. Дело в том, что современное университетское образование объединяет в себе по существу два процесса. Первый заключается в перекачке научных знаний в головы студентов, в развитии их умений, способностей принимать адекватные решения, их

потенциальной возможности стать высокоэффективными учеными, инженерами, менеджерами, законодателями, врачами, политиками, учителями. А для этого необходимо, чтобы студентам не только передавали готовое знание, но и прививали современные исследовательские навыки. Потому что сейчас исследование требуется и в заводских цехах, в законодательных органах, на всех уровнях исполнительной власти, в правовой практике, в системе здравоохранения и т.д. Но в состоянии ли все современные вузы учить исследовательской работе всех своих выпускников?

Вопрос этот, в действительности, предполагает рассмотрение двух взаимосвязанных проблем: проблемы университетских рейтингов и проблемы соотношения преподавательского и исследовательского времени университетских профессоров и преподавателей. Если последние сами не занимаются исследовательской работой, то они тем более не смогут научить ей своих выпускников.

Анализ этих проблем требует от философии образования, коль скоро она должна быть современной, не ограничиваться чисто когнитивным уровнем, уровнем выработки знания, но посмотреть на реальную государственную и университетскую политику в сфере образования, требует обратить пристальное внимание на конкуренцию в самой структуре университетской деятельности, на процессы создания лучших учебных программ и осуществление в университетах высокоэффективных научных исследований. Общество образования, которое не может быть создано без университетов, является вместе с тем и обществом, построенным на знаниях (*knowledge-based society*). И в этом смысле образовательная и научная деятельность неотделимы. И только в этом единстве они могут быть мощным фактором динамичного и эффективного общественного развития, построения новой цивилизации в глобальном масштабе.

Глобализация, захватившая систему образования, означает в том числе и глобальную конкуренцию вузов за лучшие финансовые ресурсы, лучших профессоров и лучших студентов. Все эти факторы, взятые вместе, позволяют известным мировым вузам сохранять престиж, а некоторым «молодым» вузам его приобрести. На имидж учебного заведения необязательно сильно влияет его позиция в крупнейших мировых рейтингах.

В 2004 г. газета «Times higher education» совместно с британской компанией «Quacquarelli Symonds» (QS) стала ежегодно издавать мировые рейтинги вузов. Совместная работа продолжилась до 2009 г., когда газета «Times higher education» начала выпускать свои рейтинги совместно с корпорацией «Thomson Reuters». «Quacquarelli Symonds» также занялась выработкой новой методологии оценки вузов и приступила к составлению самостоятельных рейтингов. С 2008 г. QS совместно с южнокорейской газетой «The Chosun Ilbo» проводит рейтинги азиатских университетов. Кроме того, в Шанхайском университете Китая с 2003 г. специалисты начали создавать свой

подход к рейтингованию вузов и издавать самостоятельный рейтинг «Academic ranking of world universities». Таким образом, существующие на сегодняшний день три крупнейших рейтинга имеют в своей основе отличные подходы. Единственное, что их объединяет, это значимость некоторых наукометрических параметров, например, такого параметра, как цитирование.

Идея подсчитывать количество цитирований отдельного произведения науки — научной статьи — принадлежит Е. Гарфильду (США). Около 1960 г., основав Институт научной информации в Калифорнии, он начал проводить подсчет цитирований для каждой научной статьи, имеющейся в базах данных Института, независимо от характера цитирования (позитивного или критического). По его идее для массива информации общее количество цитирований каждой публикации позволяет судить о ее значимости для научного мира. Эта методика впервые позволила примерно соотнести авторитет исследователей, что было невозможно путем обычного подсчета числа публикаций каждого исследователя⁹. Позднее, расширив базы данных, исследователи Института смогли провести оценку научного потенциала университетов и стран. Появилось понятие «высокоцитируемые статьи», охватывающее 1% наиболее цитируемых статей, а также понятие «высокоцитируемые исследователи».

Ранжирование университетов газеты «Times higher education» — Times higher education world university rankings — самое большое значение уделяет количеству цитирований (32,5% оценки). Корпорация «Thomson Reuters» в настоящее время владеет известной поисковой платформой «Web of Science», объединяющей данные по публикациям в ведущих журналах мира¹⁰, а также по их взаимному цитированию. По версии «Times higher education» в 2011 и 2012 г. наилучшим оказался Калифорнийский технологический институт.

Поскольку компания «Quacquarelli Symonds» создавалась с целью предоставления наиболее выгодных рабочих мест лучшим выпускникам университетов мира, она выработала свое видение проблемы качества образования. В ее собственном рейтинге параметр «трудоустройства» удостоился 10% веса. Индикатор цитирования в рейтинге QS занимает 20%. Наибольшим весом в QS обладает параметр Academic peer review (40%), фактически являющийся голосованием экспертов. Десятки тысяч специалистов из разных университетов мира выбирают 30 лучших университетов. Они имеют право называть любые университеты, кроме своего собственного. Международному сотрудничеству этот рейтинг придает такой же вес (5%), что и рейтинг Times. Лучшим в соответствии с этой методологией в 2011 г. оказался Кембриджский университет (Великобритания), а в 2012 г. — Массачусетский технологический институт.

Шанхайский рейтинг в большей мере, чем какой-либо другой, ориентирован на оценку академических успехов преподавателей университетов и их будущих выпускников. Методология, по которой

собираются данные для этого рейтинга, не похожа на остальные подходы. 20% веса в оценке занимает число преподавателей – Нобелевских лауреатов и обладателей медали Филдса. Еще 10% веса занимают те же награды, полученные выпускниками вузов. 20% веса оценки определяет количество высокоцитируемых исследователей. Такое же значение придается публикациям в журналах «Science» или «Nature». 20% отводятся количеству цитирований в SCI (Science citation index) и SSCI (Social science citation index). С 2003 по 2012 г. первое место в этом высоконаучном рейтинге неизменно занимает Гарвардский университет.

Исследования последних лет наглядно демонстрируют, что многие азиатские страны не жалеют сил, чтобы повысить позиции своих университетов в мировых рейтингах. Некоторым развитым странам – крупным образовательным центрам – приходится в этой ситуации потесниться. В рейтинге «Times higher education» в 2008 г. в первые 200 вузов входило 58 вузов США, а в 2009 г. – уже только 54. Уступили свои позиции Канада и Германия. Что же касается Гонконга и Японии, то они сумели увеличить число своих вузов, вошедших в первые 200 вузов рейтинга¹¹. В 2012 г. в мировых рейтингах QS и Times среди 50 лучших университетов мира присутствовали Национальный университет Сингапура и Пекинский университет. В рейтинг QS попал также Пхоханский университет науки и технологии из Южной Кореи (50 место).

За успехами азиатских стран, как правило, стоит продуманная политика их правительств, а также усилия управляющих университетами менеджеров. Так, в Китае на развитие и создание исследовательских университетов направлены «Проект 211» и «Проект 985», в соответствии с которыми планировалось не только улучшить работу существующих университетов, но и создать заново 10 – 12 новых учебно-исследовательских центров. В Южной Корее еще в 1999 г. была запущена программа «Brain Korea 21», рассчитанная на 14 лет, с финансовым пакетом в 3,4 млрд долл. Улучшить свое высшее образование пытаются и страны, чьи университеты пока не попадают в число лучших. Например, такой страной в азиатском регионе является Тайвань.

Аналогично другим азиатским странам, Тайвань принял свой «План развития высококласных университетов и высококачественных исследовательских центров», подразумевающий усиленное финансирование 12 лучших университетов с течение 2005 – 2014 гг. На десять указанных лет было выделено всего 32,8 млн долл. На эти скромные средства планировалось решить узкий круг задач: усилить международный имидж университетов или увеличить численность публикаций ППС в иностранных журналах. Анализ деятельности 12 тайваньских университетов уже в первый год финансирования показал, что большинство из них сумели улучшить свои индикаторы цитируемости и международного сотрудничества¹².

Интересно рассмотреть пример Южной Кореи, поскольку эта страна в последнее время следует агрессивному сценарию взращивания университетов мирового класса. Как уже было сказано выше, в 2011 г. три корейских университета вошли в первую сотню рейтинга QS, а два вошли в первую сотню рейтинга Times¹³. Эти результаты явились следствием усиленного финансирования, которое корейское правительство выделяет на наиболее перспективные разработки начиная с 1999 г. В сумме затраты на проекты «Brain Korea 21» (1999 – 2012), «World-class university» (2008 – 2012), «Humanity Korea project» (2008 – 2015) и «Social science Korea» (2010 – 2019) составили 4745 млн долл.¹⁴.

Начиная с 90-х гг. XX в. существенно изменилась структура финансирования университетов. Базовое финансирование, по сути, осталось таким же, каким оно было прежде и не превышало 500 млн долл. в год. Гораздо более значительные финансовые вливания университеты (в целом) получили по результатам своей исследовательской и прикладной деятельности — около 2500 млн долл. в 2008 г.¹⁵. Этот новый способ финансирования (evaluation-based) вынуждает университеты принимать новые условия игры всерьез. Одним из первых в этой гонке оказался Сеульский национальный университет, попавший в рейтинг Times в 2011 г. на 124 место¹⁶.

В 2008 г. в Сеульском национальном университете существенно увеличилось число приглашенных профессоров и достигло 10% профессорско-преподавательского состава. Увеличилось и число иностранных студентов. 13,9% выпускников были иностранными гражданами в 2008 г. по сравнению с 2,5% в 2000 г. В этой ситуации профессорам было предъявлено требование переводить свои курсы на английский язык. Так, в 2008 г. уже 558 курсов преподавались на английском языке¹⁷.

Россия, уступив за последние годы свои позиции в рейтинге «Times higher education», тем не менее пытается ввязаться в борьбу за более высокие места в мировых рейтингах. Такой важный параметр для всех существующих рейтингов, как цитирование публикаций, у России в плачевном состоянии. Россия — единственная из крупных научных держав мира, имеющая отрицательную динамику роста публикаций в период с 1995 по 2007 г. Важно отметить, что речь идет не о снижении доли в общемировом потоке, а о падении абсолютного числа публикаций (с 18 603 до 13 953). В дальнейшем доля российских публикаций в мировом потоке увеличилась и приблизилась к 2% в 2012 г. При незначительном числе публикаций вероятность роста числа высокоцитируемых статей остается крайне низкой. Для сравнения отметим, что в Китае доля публикаций выросла в период с 1998 по 2008 г. с 1,6 до 5,9% от мирового потока. Одновременно выросла и доля высокоцитируемых статей с 0,1 до 2,5%. В США за этот же период и доля публикаций в мировом потоке сократилась (с 34 до 28,9%), и доля высокоцитируемых статей уменьшилась с 62 до 51,6%.

В современной российской политике в области развития высшего образования прослеживаются признаки той же агрессивной модели, которые мы наблюдали на примере азиатских быстроразвивающихся стран. Например, в ряде университетов введены надбавки за публикации в журналах, индексируемых базами данных WoS или Scopus¹⁸, произошло объединение ряда университетов регионального значения (в частности, этот процесс можно наблюдать на примере слияния педагогических вузов). Предпринимаются попытки привлечь иностранных профессоров в крупные российские университеты. Однако нерешенной остается одна из важнейших проблем российской высшей школы – крайняя перегруженность преподавателей, являющаяся следствием недостаточно высокой оплаты профессорского труда. Кроме того, важно отметить, что часы, уделяемые преподавательской работе, находятся в тесной увязке с часами, посвященными исследовательской деятельности.

Почти во всех странах мира ученый тратит больше времени на преподавание, чем на исследования (в среднем около 19 часов в неделю). Около 13 часов в среднем ему отводится на научную работу. Интересно, что в США на научную работу исследователям отводится в среднем 12 часов, при том, что преподавательская нагрузка оказывается выше средней – 21 час в неделю. Возможно, что именно условия труда и характер распределения нагрузки влияют на ухудшающиеся показатели научной продуктивности в США за последние годы. Япония и Китай предлагают своим ученым заниматься научной работой 17 и 14 часов в неделю соответственно. А на работу со студентами здесь отводится 20 и 19 часов соответственно. То есть китайский профессор имеет фактическую возможность вести научную работу в течение 3 часов ежедневно¹⁹.

В большинстве университетов России за последнее время намечается тенденция к увеличению учебной нагрузки на профессоров и преподавателей. И это, естественно, может негативно сказаться на их научной продуктивности, а в конечном счете и на качестве образования, которое вузы будут предлагать студентам.

Подытоживая, мы можем сказать, что в эпоху глобализации не только в развитых, но и в развивающихся странах образование, особенно высшее профессиональное, становится важным фактором экономических, социальных и культурных трансформаций, превращаясь в один из важнейших объектов государственной политики. И важнейшей проблемой этой политики становится финансовая поддержка образовательных организаций, законодательное стимулирование частных и корпоративных инвестиций в систему образования, а также создание системы образовательных кредитов. Все затронутые нами проблемы должны стать важным предметом философии образования, коль скоро она стремится стать современной философией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: An Introduction to Modern European Philosophy // eds. J. Teichman, G. White. – London: Palgrave Macmillan, 1995. 199 p.

² См.: *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. 287 с.

³ См.: *Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В.* «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС – революция и будущее человека // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 12 – 21.

⁴ См.: *Майнарди Д.* Собака и лисица. Правдивый рассказ о свободном путешествии по царству этологии / пер. с ит. А.Б. Махова; под ред. и с предисл. Е.Н. Панова. – М.: Мир, 1980. 151 с.

⁵ См.: *Бутовская М.Л. Файнберг Л.А.* У истоков человеческого общества (Поведенческие аспекты эволюции человека). – М.: Наука. 1993. 256 с.

⁶ См.: *Marginson S.* Different roads to a shared goal: Political and cultural variation in world-class universities // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal / eds. Q. Wang, Y. Cheng, N.C. Liu. – Sense publishers, 2013. P. 13 – 33.

⁷ Согласно данным Международного валютного фонда, в России в 2012 г. доход на душу населения составил 13 236 долл., в США – 49 922 долл., в Израиле – 31 300 долл., а в Германии в 2009 г. – 39 442 долл., в Японии – 42 325 долл. (2010), в Южной Корее – 29 140 долл.

⁸ См.: *Hahn R.* The global state of higher education and the rise of private finance / Institute for higher education policy. – Wash., 2007. P. 7.

⁹ Вопрос об экспертных оценках авторитета исследователей в настоящей статье не рассматривается.

¹⁰ Из 30 тыс. научных журналов, существующих в мире, база данных WoS охватывает около 12 тыс. журналов.

¹¹ См.: *Mok K.H., Cheung A.B.L.* Global aspirations and strategizing for world-class status: New form of politics in higher education governance in Hong Kong // Journal of higher education policy and management. – Routledge, 2011. Vol. 33. № 3. P. 231 – 251.

¹² См.: *Dian-fu Chang, Cheng-ta Wu, Gregory S. Ching, Chia-wei Tang.* An evaluation of the dynamics of the plan to develop first-class universities and top-level research centers in Taiwan // Asia Pacific educ. rev. 2009. № 10. P. 47 – 57.

¹³ См.: *Jung Cheol Shin, Yong Suk Jang.* World-class university in Korea: Proactive government, responsive university, and procrastinating academics // Institutionalization of world-class university in global competition: The changing academy – the changing academic profession in international comparative perspective / eds. J.C. Shin, B.M. Kehm. – Dordrecht: Springer science + Business media, 2013. P. 149.

¹⁴ Ibid. P. 152.

¹⁵ Ibid. P. 151.

¹⁶ Ibid. P. 149.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ См.: *Маркусова В., Либкинд А.* Почему стоит опубликовать? Научное сотрудничество вузов и РАН в цифрах // Поиск. М., 2013. – URL: <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/5988/>

¹⁹ См.: *Postiglione G.A., Jung J.* World-class university and Asia's top tier researchers // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal / eds. Q. Wang, Y. Cheng, N.C. Liu. Sense publishers, 2013. P. 161 – 181.

REFERENCES

Alexeeva I.Yu., Arshinov V.I., Chekletsov V.V. «Tehnolyudi» protiv «postlyudey»: HBICS – revolyutsiya i budushee cheloveka // Voprosy filosofii. 2013. № 3. P. 12–21.

An Introduction to Modern European Philosophy // eds. J. Teichman, G. White. – London: Palgrave Macmillan, 1995.

Butkovskaya M.L., Fainberg L.A. U istokov chelovecheskogo obschestva (Povedencheskie aspekty evolyutsii cheloveka). – Moscow: Nauka, 1993.

Dian-fu Chang, Cheng-ta Wu, Gregory S. Ching, Chia-wei Tang. An evaluation of the dynamics of the plan to develop first-class universities and top-level research centers in Taiwan // Asia Pacific educ. rev. 2009. №. 10. P. 47 – 57.

Hahn R. The global state of higher education and the rise of private finance / Institute for higher education policy. – Wash., 2007.

Jung Cheol Shin, Yong Suk Jang. World-class university in Korea: Proactive government, responsive university, and procrastinating academics // Institutionalization of world-class university in global competition: The changing academy – the changing academic profession in international comparative perspective / eds. J.C. Shin, B.M. Kehm. – Dordrecht: Springer science + Business media, 2013.

Mainardi D. Sobaka i lisitsa. Pravdivyy rasskaz o svobodnom puteshestvii po tsarstvu etologii. – Moscow: Mir, 1980.

Marginson S. Different roads to a shared goal: Political and cultural variation in world-class universities // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal / eds. Q. Wang, Y. Cheng, N.C. Liu. – Sense publishers, 2013. P. 13 – 33.

Markusova V., Libkind A. Pochem stoit opublikovat'? Nauchnoe sotrudnichestvo vuzov i RAN v tsifrah // Poisk. Moscow, 2013. – URL: <http://www.poisknews.ru/theme/science-politic/5988/>

Mok K.H., Cheung A.B.L. Global aspirations and strategizing for world-class status: New form of politics in higher education governance in Hong Kong // Journal of higher education policy and management. – Routledge, 2011. Vol. 33. N 3. P. 231 – 251.

Postiglione G.A., Jung J. World-class university and Asia's top tier researchers // Building world-class universities: Different approaches to a shared goal / eds. Q. Wang, Y. Cheng, N.C. Liu. Sense publishers, 2013. P. 161 – 181.

Rakitov A.I. Filosofiya komp'yuternoy revolyutsii. – Moscow: Politizdat, 1991.

Аннотация

Современная философия должна быть философией современности. В процессе глобализации возникает общество образования, информационное общество, постиндустриальное общество, общество, основанное на знаниях. Важнейшим фактором построения таких обществ является высшее профессиональное образование. Из абстрактной ценности эпохи модерна образование становится объектом государственной политики. Важнейшим фактором его развития становится бюджетное финансирование, частные и корпоративные инвестиции, образовательные кредиты.

Ключевые слова: философия образования, философия современности, финансирование образования, рейтинги университетов, образовательный кредит, соотношение научной и учебной нагрузки.

Summary

Modern philosophy should be a philosophy of modernity. Knowledge-based society, postindustrial society, informational society are results of globalization. They can be built on the basis of higher education, which now is not an abstract value, but an object of state patronage. The budget, private and corporate investments, educational loans are key factors for educational sector development.

Keywords: philosophy of education, philosophy of modernity, education financing, university rankings, student loans, academic to scientific workload ratio.